

Элизабет Вернер

Герой пера

Элизабет Вернер

Герой пера

«Public Domain»

1872

Вернер Э.

Герой пера / Э. Вернер — «Public Domain», 1872

«В ясный январский день яркие лучи полуденного солнца заливали улицы одного из торговых городов на реке Миссисипи, который с чисто американской быстротой вырос в каких-нибудь двадцать лет. Среди многочисленных зданий, расположенных в некотором отдалении от центра, особенно выделялся большой красивый дом...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	14
Глава III	19
Глава IV	24
Глава V	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Эльза Вернер

Герой пера

Глава I

В ясный январский день яркие лучи полуденного солнца заливали улицы одного из торговых городов на реке Миссисипи, который с чисто американской быстротой вырос в каких-нибудь двадцать лет. Среди многочисленных зданий, расположенных в некотором отдалении от центра, особенно выделялся большой красивый дом.

В роскошной гостиной, обставленной с солидным комфортом, свойственным всем домам состоятельных американцев, у камина сидела молодая девушка в элегантном дорогом туалете. На вид ей можно было дать лет восемнадцать-двадцать. Пламя камина озаряло красноватым светом ее задумчиво склоненную голову. Темные волосы обрамляли продолговатое матово-бледное личико с правильными чертами и большими черными глазами. Но при всей красоте этого лица ему чего-то недоставало. Оно было слишком серьезным и малоподвижным; в нем не осталось и следа той детской жизнерадостности, которая придает столько очарования молодому существу.

Напротив юной хозяйки сидел господин в безукоризненном визитном костюме. Было что-то общее между молодой девушкой и ее гостем: на лицах обоих застыло одинаковое выражение холодного спокойствия и сознания собственной значительности.

– Отец находит, что мне необходимо попутешествовать по Европе, чтобы закончить свое коммерческое образование, – произнес молодой человек уверенным, солидным голосом. – Я охотно подчиняюсь его желанию, так как поездка обещает быть очень интересной. Сначала я поеду по делам нашей фирмы на два месяца в Нью-Йорк, а затем в марте отправлюсь в Европу. Мое путешествие, вероятно, продлится целый год, так как я собираюсь побывать в Англии, Франции и Германии, а на обратном пути заеду в Швейцарию и Италию. Вернуться сюда я рассчитываю в начале будущей весны.

Хозяйка дома с явным вниманием слушала своего гостя.

– Вам действительно предстоит очень интересная поездка, мистер Алисон, – заметила она. – Мой отец будет очень сожалеть, что не смог повидаться с вами перед вашим отъездом, но состояние его здоровья не позволяет ему вас принять.

– Я тоже крайне огорчен, что не имею возможности лично засвидетельствовать свое почтение мистеру Форесту. Надеюсь, вы не откажетесь передать ему мой прощальный привет?

– Благодарю вас, – ответила молодая девушка, слегка наклонив голову. – В свою очередь прошу вас принять от имени отца и от меня пожелание счастливого пути и благополучного возвращения домой.

Мисс Форест спокойно протянула свою красивую руку Алисону. Он крепко пожал ее и, не выпуская из своей руки, тихо спросил:

– Могу я предложить вам один вопрос, мисс Форест?

Легкая краска появилась на лице молодой девушки и тотчас же исчезла.

– Говорите, мистер Алисон! – ответила она. Молодой человек быстро поднялся и, все еще не выпуская руки мисс Форест, подошел к ней совсем близко.

– Может быть, сейчас неподходящий момент для объяснения, но я знаю, что многие претендуют на вашу руку и сердце, и в мое отсутствие я могу очень много потерять; потому я и решил заговорить о своем чувстве к вам, которое, конечно же, для вас не секрет. Смею ли я надеяться, что вы будете меня ждать и после моего возвращения отдадите мне свою руку?

Алисон начал объяснение в спокойном тоне, но постепенно голос его звучал все более взволнованно, а глаза с тревогой смотрели на девушку, как бы желая предугадать ее ответ. Мисс Форест молча, без тени девичьего смущения, слушала признание Алисона, ничем не показывая, приятно оно ей или нет. Когда он умолк, она подняла на него взор и, нисколько не волнуясь, ясно и твердо сказала:

– Вы прямо спросили меня, мистер Алисон, и я так же прямо отвечу на ваш вопрос. Я знаю о вашей склонности ко мне, ценю ее и сердечно к вам расположена. Когда вы вернетесь, я охотно соглашусь стать вашей женой.

Холодное лицо Алисона вспыхнуло радостью, но молодой человек словно бы стыдился проявления своих чувств и поспешил придать себе прежний невозмутимый вид.

– Ах, мисс Джен, вы делаете меня счастливейшим из смертных! – воскликнул он. – Можно мне сказать мистеру Форесту о моем предложении?

– Нет, нет, – быстро возразила молодая девушка, – я сама поговорю с ним. Вообще мне придется поставить вам, мистер Алисон, одно обязательное условие. Я не могу стать невестой сейчас, когда мой отец находится при смерти. Мой долг – быть неотлучно при нем, а официальное объявление о нашей помолвке заставило бы меня принимать и наносить визиты и вообще тратить много времени на все, что связано с положением невесты. Поэтому я вас очень прошу никому из посторонних ничего не рассказывать. Вернувшись из своей поездки, вы сможете уже не скрывать нашу тайну, а до тех пор должны молчать и не предьявлять на меня никаких жениховских прав. Я этого не хочу.

И в тоне, и в словах невесты было так мало нежности, что лицо Алисона омрачилось.

– Это очень тяжелое условие, Джен, – возразил он. – Надеюсь, по крайней мере, что вы позволите мне отложить путешествие и остаться при вас, так как я опасаюсь, что неотвратимый удар может обрушиться на вас в самом ближайшем будущем.

Молодая девушка слегка вздрогнула и, отрицательно покачав головой, ответила:

– Благодарю вас, но это совершенно излишне. Я знаю, что мне предстоит, но легче перенесу свое горе одна – мне не нужна поддержка. Я настаиваю, чтобы вы из-за меня не откладывали свой отъезд ни на один час и не возвращались ни на один день раньше намеченного срока. Мы увидимся через год, а до тех пор верьте моему слову так же, как я верю вашему.

Джен поднялась с кресла и стала рядом с женихом с таким решительным видом, что Алисон сразу понял: воля его невесты непреклонна, и никакие доводы не заставят мисс Форест изменить свое решение. Да, молодая девушка действительно не нуждалась ни в чьей поддержке!

– Постараюсь доказать вам, Джен, что я уважаю ваши желания, как бы мне ни тяжело было их выполнять, – проговорил Алисон. – Но, отказывая мне в жениховских правах, позвольте хотя бы раз воспользоваться моим первейшим правом.

Джен ничего не ответила, но не сопротивлялась, когда молодой человек заключил ее в объятия и прижал свои губы к ее маленькому рту. Огонь страсти вспыхнул в его глазах; он крепче обнял стан невесты и собирался повторить поцелуй, но она гибким движением выскользнула из его объятий.

– Довольно, Генри! – сказала она. – Не будем усугублять тяжесть расставания. Через год вы открыто назовете меня своей невестой, а до тех пор – полнейшее молчание.

Алисон неохотно отступил на несколько шагов. Холодность мисс Форест отрезвила молодого человека, и его лицо приняло такое же спокойное и надменное выражение, какое было все время у Джен. Он не пожелал вымалывать ласку, в которой ему отказывали.

Быстрые шаги в соседней комнате заставили обоих занять свои прежние места. Когда дверь отворилась, молодая хозяйка уже сидела в кресле у камина и с любезным видом слушала своего гостя, который в почтительной позе расположился напротив нее.

В гостиную вошел пожилой человек с седыми волосами и умными пронзительными глазами. Нескрываемая насмешка мелькнула в его взоре, когда он взглянул на молодую пару.

– Доктор уезжает, мисс Джен, – обратился вошедший к хозяйке дома, – вы хотели поговорить с ним.

Молодая девушка быстро поднялась.

– Простите, мистер Алисон, – сказала она, – мне нужно идти к отцу. Я сообщу ему, что вы придете вечером.

Джен протянула жениху руку. Они обменялись многозначительным рукопожатием и взглядом, в котором было безмолвное спокойное обещание. Молодая девушка еще раз слегка кивнула головой и скрылась за дверью.

Седой господин подошел к Алисону и, положив ему руку на плечо, воскликнул:

– Поздравляю вас!

Молодой человек быстро обернулся.

– С чем? – резко спросил он.

– С помолвкой!

Брови Алисона гневно сдвинулись.

– Если не ошибаюсь, мистер Аткинс, вы позволили себе нас подслушивать?

– Возможно, – с величайшим хладнокровием ответил Аткинс. – Однако должен вам напомнить, Генри, что я не принадлежу к числу посторонних, от которых следует скрывать вашу помолвку.

Лоб молодого человека слегка разгладился.

– Вы, конечно, составляете исключение, мистер Аткинс, – ответил он, – а потому...

– А потому без дальних слов примите мои сердечные поздравления, – прервал его Аткинс. – Однако вы скоро обстрипали это дельце. «Хотите быть моей? Хочу! Прекрасно. Свадьба через год!» Все коротко и ясно, без лишних разговоров и сентиментальных фокусов – вполне во вкусе мисс Джен. Покойная миссис Форест пришла бы в отчаяние от такой помолвки.

На губах Алисона появилась презрительная усмешка.

– Если бы мисс Форест походила на свою мать, я едва ли стал добиваться ее руки! – возразил он.

– Вы правы; миссис Форест была и не в моем вкусе, – подтвердил Аткинс. – Она отличалась сентиментальностью, вечно казалась несчастной, постоянно была больна, склонна к слезам и чувствительным сценам. Одним словом, олицетворяла собой тип настоящей немки и в конце концов умерла от тоски по родине. К счастью, мисс Джен не унаследовала ни одной черты покойной матери. Девушка – вылитый отец!

– Я это знаю, а мистера Фореста никак не упрекнешь в сентиментальности.

– Теперь да, но раньше, мне кажется, она также была ему в некоторой степени свойственна, – возразил Аткинс. – Во всяком случае, у него хватило благоразумия, чтобы сразу же отречься от всего, что здесь считается неуместным. Мистер Форест поселился в Америке восемнадцать лет назад. Видимо, ему сильно не повезло на родине, так как он был страшно предубежден против Германии и всего, что с ней связано. Он обратил свою энергию на то, чтобы освободиться от прежних воспоминаний и стать настоящим американцем – даже переименовал фамилию, и из Ферстера превратился в Фореста. К сожалению, его жене была ненавистна Америка, ее все время тянуло к немцам, и на этой почве между супругами происходили частые ссоры. В особенности предметом раздора была мисс Джен, которую отец хотел воспитать американкой, а мать мечтала сделать из нее немку. Когда девочка подросла, она решительно стала на сторону мистера Фореста и разбила этим сердце матери. Да, мне пришлось неоднократно быть свидетелем очень тяжелых сцен. Покой у нас наступил только после того, как миссис Форест скончалась от тоски по родине. Судя по состоянию здоровья мистера Форест

ста, и он ненамного переживет свою жену. – В последних словах Аткинса уже не было иронии – голос его стал озабоченным.

Алисон молча протянул руку за своей шляпой, лежавшей на столе.

– Как вы уже слышали, мне не позволено отложить свой отъезд, – проговорил он, – к тому же очень важные дела действительно заставляют меня немедленно уехать в Нью-Йорк. Когда случится несчастье, которого мы ожидаем, пожалуйста, не оставляйте мисс Форест: а если появятся какие-либо затруднения из-за наследства, обратитесь к моему отцу – он охотно вам поможет и своим влиянием, и советом. Вообще было бы желательно, чтобы он ознакомился с финансовыми делами будущей невестки, – несколько смущенно добавил молодой человек, тщательно застегивая перчатку и не поднимая глаз на старика.

Во взгляде Аткинса блеснула прежняя насмешка.

– Я вам очень благодарен за желание помочь, – иронически ответил он, – но это лишнее. Согласно завещанию, все финансовые дела мистера Фореста переходят в мои руки, и я сумею поддерживать их в полном порядке. Вам и вашему отцу придется подождать год, и тогда вы узнаете, насколько велико состояние мистера Фореста; ваша жена передаст вам его в виде приданого. Пока могу только сказать в утешение, что мистер Форест очень богат – гораздо богаче, чем вы думаете.

– Мистер Аткинс, вы слишком много себе позволяете, – с негодованием воскликнул Алисон.

– Не понимаю, почему вы сердитесь? – невозмутимым тоном возразил Аткинс. – Разве в моих словах есть что-то обидное? Я просто не считаю вас настолько легкомысленным, чтобы жениться на девушке без денег. Особенно странно это выглядело бы сейчас, когда ваша фирма завязывает торговые связи с Европой. Вам нужен для этого двойной капитал, а вы, Генри, не настолько непрактичны, чтобы из-за романтической истории забыть о столь важном обстоятельстве.

Алисон взглянул на Аткинса, все еще не вполне ему доверяя, а затем ответил:

– Конечно, как участник и будущий директор-распорядитель нашей фирмы при выборе жены я обязан руководствоваться и материальными соображениями, но даю вам слово, что если бы у мисс Форест оказалось состояние меньше предполагаемого мной, я, тем не менее, предпочел бы ее более богатой невесте.

– О, я охотно вам верю, Генри, – с улыбкой заметил Аткинс. – Вы порядком ею увлечены. Меня интересует только, сумеете ли вы растопить лед в сердце нашей прекрасной мисс? Пока она довольно-таки холодна с вами. Однако следует надеяться, что не всегда так будет. Во всяком случае, большое счастье, когда совпадают материальный расчет и влечение сердца, как у вас. Поэтому еще раз от всей души поздравляю.

Оставив мужчин в гостиной, Джен быстро прошла несколько комнат и очутилась в роскошной полутемной спальне отца. Ступая неслышными шагами по толстому ковру, она подошла к постели, на которой лежал мистер Форест. Достаточно было взглянуть на больного, чтобы сразу же стало ясно, откуда у мисс Джен такие строгие, волевые черты лица и вдумчивое, серьезное выражение глаз.

– Мне только что сообщили о приезде доктора, – сказала молодая девушка, – ты говорил с ним с глазу на глаз, а между тем я хотела присутствовать при его визите. Это твое распоряжение, папа?

– Да, дитя мое. Я хотел услышать от него откровенное мнение о своем положении, а твоё присутствие его бы стеснило. Теперь я знаю, что мои дни сочтены – мне осталось жить очень недолго.

Джен опустила на колени перед постелью отца и, прижав голову к подушкам, вся содрогнулась от беззвучных рыданий.

Больной скорбно смотрел на нее.

– Успокойся, Джен, – проговорил он, – это известие не должно было поразить тебя, точно так же, как и меня; ведь мы оба знали, что наступил мой конец, хотя, быть может, и надеялись на некоторую отсрочку. Во всяком случае, слезами горю не поможешь; не нужно отягчать ими неизбежность вечной разлуки.

– Я не буду! – тихо прошептала молодая девушка, поднимаясь с ковра, и взглянула на отца, уже вполне взяв себя в руки.

Больной улыбнулся горькой улыбкой: ему было бы приятнее, если бы дочь не так поспешно выполнила его просьбу.

– Я хочу поговорить с тобой, дитя мое, – продолжал мистер Форест, – а так как не знаю, смогу ли это сделать в другой раз, – одному Богу известно, долго ли я еще буду в сознании, – то лучше не откладывать разговор. Подойди поближе и выслушай меня!

Джен повиновалась. Она села на край постели и молча ждала, что скажет отец.

– Я могу спокойно тебя оставить, – начал больной, – так как знаю, что ты, несмотря на свою молодость, не нуждаешься ни в опоре, ни в опекунах. Во всех денежных делах положишься на Аткинса. Его ироничный ум и презрительное отношение к людям никогда не внушали мне особой симпатии, но за время работы с ним, а это без малого двадцать лет, я убедился, что он – человек в высшей степени порядочный и искренне преданный нашей семье. Аткинс составил себе хорошее состояние и мог бы давно открыть собственное дело, но предпочел не оставлять меня. После моей смерти он будет вести дела так, как при мне, заботясь о твоей выгоде, пока ты не выйдешь замуж, что может произойти очень скоро.

– Папа, – спокойно прервала его дочь, – я должна тебе сообщить, что у меня только что был мистер Алисон. Он сделал мне предложение.

Больной выпрямился: его лицо выразило напряженное ожидание.

– Что же ты ответила? – спросил он.

– Я дала согласие!

– Вот как?! – воскликнул Форест, снова опустив голову на подушки, и замолчал.

Джен с удивлением наклонилась к нему.

– Ты кажешься недоволен? – проговорила она. – Я была убеждена, что ты вполне одобришь этот брак.

– Ты знаешь, Джен, что я предоставляю тебе полную свободу в выборе мужа, – ответил больной, – и не хочу оказывать на тебя никакого давления. Это – твое будущее, которое принадлежит только тебе. Я убежден, что ты хорошо обдумала предложение Алисона, прежде чем дать свое согласие.

– Да, папа, я давно предвидела объяснение Генри и все решила заранее. Я испытываю полное доверие к мистеру Алисону; его семья считается одной из лучших в городе, сам Генри занимает блестящее положение, а в будущем он, безусловно, будет играть выдающуюся роль в коммерческом мире. Разве этого мало для счастливого брака?

– Если, по-твоему, этого достаточно, – тем лучше!

Джен удивленно взглянула на отца. Его тон показался ей странным. Чего же еще можно желать? Партия была во всех отношениях подходящей.

– Ты права, Джен, абсолютно права, – с горькой усмешкой заметил Форест. – Я просто невольно вспомнил свою помолвку с твоей матерью – она была совсем иной. Но ты права. Мистер Алисон обладает всеми качествами, которые ты ценишь в людях; я думаю, вы будете довольны друг другом.

– Надеюсь! – самоуверенно ответила Джен и сообщила отцу, какое условие она поставила своему жениху и на какой срок откладывает свадьбу.

– Вот это прекрасно! – воскликнул Форест. – Выдвинув это условие, ты, сама того не зная, пошла навстречу моим желаниям. Я хочу попросить тебя об одном: мне было бы очень

приятно, если бы ты согласилась провести этот год до свадьбы у наших родственников в Германии.

Молодая девушка вскочила со своего места и, не скрывая своего недовольства и даже раздражения, спросила:

– Ты хочешь, чтобы я поехала в Германию?

– Ты не любишь Германию?

– Нет, не люблю, точно так же, как и ты, папа! – холодно ответила Джен. – Я не могу любить страну, которая отравила твою юность, наполнила горечью всю жизнь и наконец изгнала, как преступника. Я никогда не могла простить матери, что она не хотела понять тебя и своей безумной тоской по родине сделала тебя глубоко несчастным человеком.

– Молчи, Джен! – резко остановил ее отец. – Есть вещи, которых ты не понимаешь и никогда не в состоянии будешь понять. Да, твоя мать не всегда со мной соглашалась; да, порой она заставляла меня страдать, но зато я знал с ней часы такого счастья, какое ты никогда не подарить своему мужу. Впрочем, мистеру Алисону они и не понадобятся!

Джен промолчала. За время болезни отца она привыкла к его непонятной раздражительности и со снисходительностью, которую обычно проявляют по отношению к страдающим людям, покорно перенесла эту вспышку и снова села на край кровати.

– Прости меня, дитя мое! – после короткой паузы извиняющимся голосом проговорил Форест. – Я был неправ. Ты такая, какой мне и хотелось тебя видеть. Я воспитал тебя в определенном духе и не раскаиваюсь в этом. Ты лучше приспособлена для жизненной борьбы, чем твоя слабая нежная мать. Оставим этот разговор – я собирался говорить с тобой о другом. Известно ли тебе, что у тебя был брат?

Джен, с напряженным вниманием слушавшая отца, ответила:

– В раннем детстве, мне кажется, я что-то слышала, но потом о нем больше не вспоминали. Он умер?

Глубокий вздох вырвался из груди больного.

– Может быть, умер, а может быть, – нет, – медленно проговорил он. – Мы так и не смогли ничего о нем узнать. В конце концов я запретил упоминать его имя, твоя мать приходила в полное отчаяние, когда заходила о нем речь, хотя ни на минуту не переставала думать о своем сыне.

С захватывающим интересом слушала Джен больного, низко склонившись над ним. Он схватил ее руку и крепко держал в своей.

– Тебе знакома новая история моей родины, – начал больной, – ты знаешь, что в начале тридцатых годов Германию охватило политическое движение. Как всегда, раньше других на него откликнулось студенчество. Я в то время был двадцатилетним юношей и слушал лекции в университете. Вместе с товарищами я начал бороться за свободу и величие своей родины. Правительство арестовало нас, как преступников, и приговорило к смертной казни. В виде особой милости ее заменили потом двадцатилетним заключением в крепости. Семь лет я просидел там, как тебе известно, а когда, наконец, попал под амнистию, то был уже другим человеком. Заточение сделало из меня – юноши, преисполненного доверия и любви к людям, идеалиста до мозга костей – озлобленное существо, которое не могло забыть бесконечные унижения, которые пришлось пережить в тюрьме.

Форест на минуту остановился, вспоминая ужасы заточения в крепости и ее железный режим.

Джен молча смотрела на отца, боясь нарушить ход его мыслей. Наконец больной снова заговорил:

– Получив свободу, я тут же совершил большую глупость – женился. В моем положении это был безумный шаг. Еще в университете я считался женихом твоей матери; она ждала меня годы, отказавшись от блестящей партии, которая ей представлялась. К тому времени, когда

меня выпустили, она была бедной сироткой, жившей из милости у родственников. Этого я не мог перенести. Мы обвенчались, и через год родился твой брат. Мальчик не походил на тебя, – добавил Форест, впиваясь в лицо дочери долгим страдальческим взглядом, – он был блондин с голубыми глазами, как у вашей матери. Мой брак не принес мне большого счастья. Первые годы нашей семейной жизни были еще ужаснее, чем пребывание в крепости. Там я страдал в одиночку, а тут приходилось думать о жене и ребенке, лишенных куска хлеба. Моя карьера, конечно, пропала; все связи с обществом были порваны. Что бы я ни делал, что бы ни предпринимал – перед политическим преступником закрывались все двери. Я выбивался из сил, чтобы обеспечить семью самым необходимым, и вынужден был взяться за низкооплачиваемый труд, не соответствовавший ни моим знаниям, ни общественному положению.

В это время наступил памятный для всех 1848 год, и я почувствовал, что не могу оставаться в стороне от революционного движения, что во мне воскрес былой мечтатель. Оставив жену и ребенка у родственников, я ринулся в самую гущу борьбы.

Ты знаешь, чем она закончилась! Как вождь революционеров я должен был снова попасть в тюрьму, но по счастливой случайности мне удалось избежать ареста, которому подвергся наш комитет. Чтобы избежать вечного заточения, нужно было не терять ни одной минуты, и я решил немедленно бежать в Америку. Брат жены дал мне необходимую сумму денег; возможно, он сделал это из великодушия, а может быть, просто хотел избавиться от беспокойного демагога, позорившего его семью. Однако правительство не дремало, устроив на меня настоящую облаву.

Под чужим именем, загримировав лицо, я отправился с женой и двумя детьми в Гамбург – ты родилась за несколько месяцев до этих событий. Бедное дитя, в очень трудную минуту я впервые прижал тебя к сердцу! Вместе с отцовским поцелуем на твое маленькое личико упали и мои слезы, и боюсь, что они навсегда оставили на нем след. Ты не походила на других детей и уже в самом раннем детстве отличалась необыкновенной серьезностью.

Незадолго до отплытия парохода из Гамбурга мы отправились на пристань, но порознь, чтобы не возбудить подозрений. На некотором расстоянии от меня впереди шла несшая тебя на руках твоя мать, а со мной был твой брат. Внезапно я увидел у самого пароходного трапа одного из шпионов, лицо которого хорошо запомнил; он тоже меня знал и, весьма возможно, специально за мной следил. Заметь он меня, моя гибель была бы неизбежна. Я сразу же принял решение и, сказав сыну, чтобы он поскорее догонял мать, скрылся в густой толпе народа, наводнявшего пристань. Около часа я не решался подняться на пароход, не выпуская из виду сыщика. Наконец он скрылся, и я незаметно прошел.

Еще заранее я предупреждал жену, что могу задержаться на пристани. Она с тревогой меня ждала и радостно кинулась навстречу. Прежде всего она спросила: «А где же мальчик?». Тут я с ужасом узнал, что твой брат не нагнал матери, шедшей в нескольких шагах впереди, а затерялся в толпе. Не помня себя от ужаса, забыв о грозящей опасности, я бросился назад, на берег; везде искал сына, всех о нем расспрашивал, но ничего не выяснил.

Между тем пароход давал гудок за гудком, предупреждая об отплытии. Если бы я остался в Гамбурге разыскивать сына, вы с матерью уехали бы одни через океан – в другую часть света, к чужим, незнакомым людям, и неизбежно бы там погибли. Колебания были недолгими, хотя я дошел до полного отчаяния. Не могу передать тебе мои переживания, когда пришлось вернуться на пароход без мальчика, я видел, как неумолимо увеличивалось расстояние между сушей и морем, знал, что там, на суше, остался совсем одиноким мой маленький сынишка, и не мог прийти к нему на помощь.

По приезде в Нью-Йорк я сразу же написал брату твоей матери, умоляя его разыскать нашего ребенка. Прошло несколько недель, пока письмо попало ему в руки; столько же времени понадобилось и на ответ. Шурин известил меня о том, что, несмотря на самые тщатель-

ные поиски во всех направлениях, он не смог напасть на след мальчика, и мой сын исчез для меня навсегда.

Форест остановился, он тяжело дышал; видно было, что этот рассказ причиняет ему большие страдания. Но Джен, склонившись к его изголовью, нетерпеливо ждала продолжения. Ей не приходило в голову избавить отца от излишних волнений, могущих пагубно повлиять на его здоровье. Подобная деликатность была не в обычае и отца, и дочери: если уж этот разговор был необходим, его следовало любой ценой довести до конца.

Отдохнув несколько минут, больной собрался с силами и продолжил свое повествование:

– С этой последней жертвой, то есть с потерей сына, кончились мои несчастья. На американской почве мне сопутствовал необычайный успех во всех делах. В Нью-Йорке я встретился с Аткинсом, занимавшим тогда какую-то незначительную должность. Он оказал мне услугу, вырвав из рук ловких мошенников-аферистов, которые собирались поймать в свои сети неопытного европейца. Мы с Аткинсом быстро пришли к взаимопониманию, и он охотно принял мое предложение переселиться с нами на Запад.

Приехав сюда, мы попали в почти необитаемый лес, и первое жилище, похожее на дом, построили собственными руками. Может быть, ты еще помнишь, что, когда ты была совсем маленькой, я сам обрабатывал наше поле, а мать выполняла всю работу домашней прислуги.

К счастью, так было недолго. В лесу быстро выросла колония, положившая начало большому торговому городу. Земля, приобретенная за гроши, стала неимоверно быстро расти в цене. Я задумал целый ряд деловых предприятий, и все они оказались очень выгодными. Мое стремление к участию в общественной жизни также нашло удовлетворение. Я занял выдающееся положение в обществе, и даже мистер Алисон сочтет за большую честь для себя, если ты согласишься стать его женой.

– Я знаю это, отец, – с гордостью заметила Джен, и на ее юном лице еще отчетливее отразилось сознание собственного достоинства.

Чувствуя, что силы его покидают, Форест торопился закончить свой рассказ.

– Незачем, я думаю, и упоминать о том, что я все время не переставал разыскивать своего сына. Располагая большими средствами, я тратил на это огромные суммы, но тщетно. В конце концов я несколько успокоился – ты заменила мне своего брата, но твоя мать ни на минуту его не забывала. До самой своей кончины она не переставала ждать сына и была уверена, что он жив, хотя я уже давно утратил всякую надежду.

Перед смертью жена взяла с меня обещание, что, похоронив ее, я поеду в Европу и сам займусь розыском нашего мальчика. Я обещал ей, так как недавно попал под амнистию и теперь уже мог вернуться на родину. И действительно собирался заняться приготовлениями к длительному путешествию, но неожиданно меня сразила эта болезнь. Однако страстное желание твоей матери должно быть исполнено. Хотя у меня нет ни малейшей надежды на то, что ты найдешь брата, твой долг – сделать для этого все возможное. Если и твои усилия окажутся напрасными, то у тебя будет, по крайней мере, совесть спокойна, и ты по праву станешь единственной наследницей всего моего состояния.

Потому я и посылаю тебя на Рейн. Убежден, что дядя не откажется тебе помочь, но ты должна внести в поиски инициативу и энергию, которых ему не хватает. Здесь никто не удивится твоему отъезду – все найдут вполне естественным, что ты проводишь год траура по отцу среди его родных. При желании Алисон сможет в конце своего путешествия заехать туда, где ты будешь, чтобы вы обвенчались и вместе вернулись в Америку. Впрочем, я не желаю вмешиваться в твои дела: поступай, как знаешь. У меня к тебе всего одно требование, Джен, и убежден, что ты его исполнишь.

Молодая девушка гордо выпрямилась и торжественно произнесла:

– Даю тебе слово, отец, во что бы то ни стало найти брата, если он только жив. Я не отступлю ни перед чем, и если мне не удастся его увидеть, то я узнаю хотя бы, что с ним произошло после того, как он затерялся в толпе. Я отыщу его след.

Форест сжал руку дочери в своих слабеющих руках. Несколько секунд стояла глубокая тишина.

– Подними шторы, Джен, – послышался вдруг сдавленный голос больного, – я не выношу эту темноту.

Молодая девушка подняла шторы и откинула тяжелые зеленые занавеси. В широкое окно ударили ослепительные солнечные лучи. Форест, приподнявшись, жадно глядел в окно. Перед ним лежал весь город с его многочисленными улицами, площадями и огромными каменными зданиями. Вдали виднелась зеркальная водная гладь, на которой качались речные суда. Еще недавно жизнь этого большого нового города трудно было себе представить без Фореста. Город, во многом обязанный ему своим существованием, стал его родным детищем.

Неожиданно больной судорожно дернулся и как подкошенный упал на подушки. Джен испуганно бросилась к отцу, думая, что повторился один из его болезненных приступов.

– Когда ты приедешь в Германию, – беззвучно прошептал Форест, – поклонись моей родине, поклонись Рейну. Слышишь, Джен? Непременно поклонись Рейну и всей Германии.

– Разве ты любишь свою родину, отец? – спросила молодая девушка. – Ты ведь старался внушить мне ненависть к ней.

Форест молчал несколько секунд; его губы дрожали, и на щеки скатились две крупные, тяжелые слезы.

– Родина принесла мне одно только горе, – с волнением ответил он, немного передохнув. – Меня там преследовали, не давая шагу ступить, затем изгнали, лишив мою семью куска хлеба; здесь же, в Америке, я узнал, что такое свобода. Америка дала мне богатство, славу и почет. Тем не менее, Джен, я не задумываясь отдал бы все эти блага за счастье умереть на берегах Рейна.

Безысходное горе слышалось в этом признании умирающего. Джен испуганно и недоумевающе смотрела на отца. Опять эта проклятая тоска по родине! Она довела до могилы ее мать, а теперь и отец, этот разумный, энергичный, гордый человек, не может от нее избавиться. Он столько лет скрывал свои страдания и только в последний, смертный час открыл ей душу. Джен не понимала этой любви к далекой родине, но чувствовала, что именно она связывала ее родителей, делала их, несмотря на полное несходство характеров, близкими друг другу.

Молодая девушка не отрывала взора от лица больного. Он лежал спокойно, закрыв глаза и крепко сжав губы. Джен знала, что сейчас его нельзя тревожить. Тихими шагами она подошла к окну и опустила шторы. В комнате больного снова воцарились полумрак и тишина.

Глава II

– Что за великолепное начало – бесценный Рейн радушно приветствует вас! Нет, я ни за что не согласился бы находиться в этой стране больше тридцати шести часов! Проклятый туман! Берега не видно, пока не ступишь на него ногой. Весь день в Гамбурге шел ужасный дождь, – я думал, что снова начинается всемирный потоп. И в довершение всего здесь, на Рейне, с нами происходит такая неприятность! Не понимаю, мисс Джен, как вам удастся сохранить свое олимпийское спокойствие!

Аткинс имел все основания для недовольства: положение, в котором оказались он и его спутники, было действительно не из завидных. Густой туман окутывал все вокруг серым непроницаемым покрывалом. Мелкий холодный дождь лил непрерывно, образуя лужи вокруг сломанной почтовой кареты, стоявшей посреди дороги. Выпряженные лошади мрачно свесили головы. Возле сломанного заднего колеса сидел пострадавший возница с головой, завязанной носовым платком; обеими руками он поддерживал раненую ногу. Возле него стояла Джен. В ответ на монолог Аткинса она только молча пожала плечами.

– Мы не можем дольше оставаться под этим дождем, – сердито продолжал Аткинс, – по крайней мере, для вас это невозможно. Насколько я могу судить, ушибы нашего кучера неопасны, а так как, по его словам, до ближайшего города Б. не более часа ходьбы, то я полагаю, что мы можем оставить его пока одного, а уже из города прислать кого-нибудь ему на помощь.

– Нет, нет, – решительно запротестовала Джен, – у него все еще продолжается кровотоечение, и каждую минуту он может потерять сознание. Мы не должны оставлять его одного в таком беспомощном состоянии. Побудьте с ним, а я постараюсь как-нибудь добраться до ближайшего населенного пункта.

– Что вы, мисс Джен! Мыслимо ли такое! Вы забываете, что здесь вам не Америка. Вы можете упасть в эту заколдованную реку; из-за тумана мы не можем разглядеть воду, но она где-то совсем близко, судя по плеску волн. Нет, я не отпущу вас!

– Я ничего не боюсь, – решительно заявила Джен, – а если пойду по большой дороге, то не заблужусь. Да у нас и нет другого выхода – нужно же что-то делать!

– Нет, мисс Джен, это невозможно. Хоть бы одно живое существо встретилось нам по дороге! Да вот там кто-то идет! Послушайте, сударь, пожалуйста, остановитесь на минутку! – крикнул Аткинс.

Незнакомец услышал последнюю фразу Аткинса. Хотя она была произнесена по-немецки, в ней ясно слышался английский акцент.

– Что случилось? – спросил незнакомец на чистейшем английском языке.

– Слава Богу, это джентльмен, он говорит по-английски! – с облегчением воскликнул Аткинс и быстро направился к незнакомцу, фигура которого слабо виднелась в тумане. – С нами произошло несчастье, – сказал он, подойдя поближе. – Наш экипаж опрокинулся и сломался, кучер ранен, а моя спутница и я совершенно незнакомы с этой местностью. Позвольте узнать, не направляетесь ли вы в Б.?

– Да, именно туда!

– В таком случае не сможете ли вы прислать сюда первого попавшегося извозчика? И потом еще одна просьба: не согласитесь ли вы проводить до Б. молодую леди, мою спутницу?

В ответ на первую просьбу незнакомец вежливо поклонился, выражая свое согласие; вторая же привела его, видимо, в смущение. Он слегка попятился и испуганно спросил:

– Вы хотите, чтобы я проводил эту молодую леди?

– Да, сначала до города, а потом до того дома, который она вам укажет. Мисс Джен, пожалуйста, примите услуги этого джентльмена. Вы не можете дольше оставаться под дождем.

Молодая девушка безучастно слушала их переговоры. Теперь она взглянула на приблизившегося незнакомца и увидела тонкое бледное лицо с большими мечтательными голубыми глазами, в которых было безграничное смущение.

– Я вам чрезвычайно обязан, – проговорил Аткинс, не дожидаясь ответа на свою вторую просьбу, – только, пожалуйста, изберите кратчайший путь – и ради удобства вашей спутницы, и ради меня самого. Я тоже жажду отсюда выбраться и попасть под какой-нибудь кров. До свидания, мисс Джен, не беспокойтесь – я не оставлю раненого. Надеюсь скоро увидеться с вами не под дождем, а в более удобном месте.

Аткинс распорядился так быстро и таким диктаторским тоном, что не было возможности ему противиться. Незнакомец послушно поклонился Джен, молча приглашая ее следовать за собой, и вскоре оба они скрылись с глаз Аткинса. Молодой человек настолько смутился, что не в состоянии был произнести ни слова. Возможно, его поразила чисто американская смелость, с которой молодую девушку доверили первому встречному, а может быть, пугала мысль, что он не сумеет выказать себя истинным рыцарем по отношению к этой девушке.

Джен объяснила себе молчание незнакомца по-своему. Она привыкла всегда находиться в центре внимания, тем более, что в Америке мужчины обычно бывают предупредительны даже с совершенно незнакомыми дамами, а этот молодой человек с лицом джентльмена, по видимому, не считал для себя великой честью ее сопровождать. Он даже не нашел нужным обратиться к ней с вежливым приветствием. Джен бросила на своего спутника гневный взгляд, крепко сжала губы и дала себе слово за всю дорогу не проронить ни слова.

Минут десять они шли в полном молчании. Неожиданно незнакомец остановился и заговорил звучным приятным голосом:

– По прямой дороге нам придется сделать большой крюк. Можно повести вас той кратчайшей тропинкой, по которой я обычно хожу?

– Предоставляю решение этого вопроса вам! – холодно ответила Джен и последовала за незнакомцем, свернувшим с шоссе налево.

Кратчайший путь, о котором он говорил, оказался не слишком удобным, особенно для женщины. На каждом шагу им попадались заболоченные места, кочки и колючие кусты. Через каких-то несколько минут элегантный дорожный костюм молодой девушки пришел в самое жалкое состояние. Легкая накидка и тонкие открытые туфельки промокли насквозь. Незнакомец, закутанный в толстый плед, напротив, нисколько не страдал от непрерывного дождя. Стараюсь выполнить просьбу Аткинса, он быстро шел вперед, и Джен с трудом за ним поспевала. Любая другая женщина на ее месте сразу бы заявила, что не может идти так скоро, но Джен не любила выказывать слабость и, к тому же, сама хотела поскорее добраться до города. Она храбро ступала по высокой мокрой траве и ежеминутно рвала свою одежду и длинную траурную вуаль, цепляющуюся за сучья кустарника. Однако лицо ее все больше мрачнело; в конце концов молодая девушка почувствовала, что не в состоянии идти дальше, и остановилась.

– Прошу вас подождать, – задыхающимся голосом проговорила она, – мне нужно немного отдохнуть.

Эти слова заставили незнакомца вспомнить о своей неосмотрительности. Он с испугом взглянул на молодую девушку, которая в полном изнеможении прислонилась к большому кусту сирени, и смущенно пробормотал:

– Простите меня, мисс, я совсем не умею обращаться с дамами.

Джен сделала рукой жест, означавший, что она на собственном опыте убедилась в справедливости его слов. Молодой человек только теперь заметил, в каком состоянии была ее одежда.

– Господи, да вы совершенно промокли! – воскликнул он. И, взглянув на небо, добавил: – Мне кажется, дождь идет.

– Да, мне тоже это кажется! – с нескрываемой иронией отозвалась Джен.

Незнакомец, не заметив иронии, молча подошел к другому кусту сирени, росшему на пригорке. Дождь лил так долго, что даже здесь, на возвышенности, трава была покрыта водой. Недолго думая, молодой человек сбросил свой плед и, заботливо расстелив его на пригорке, предложил своей спутнице сесть и отдохнуть.

Джен не двинулась с места и удивленно смотрела на незнакомца. Его поступок поразил девушку. Полчаса он шел рядом с ней, видел, что она мокнет под дождем, и не предложил ей свой плед, который мог бы защитить ее от непогоды, а теперь, чтобы дать ей возможность отдохнуть две-три минуты, не задумываясь, бросил плед прямо в грязь. Она еще никогда в жизни не встречала такого непрактичного и странного человека.

Незнакомец с таким подчеркнутым старанием разглаживал плед, видимо, раскаиваясь в своей невнимательности, что Джен невольно снизошла к его просьбам и опустилась на устроенное для нее сиденье. Впервые она могла внимательнее разглядеть стоявшего рядом молодого человека. Разгоряченный быстрой ходьбой, он снял шляпу и откинул с высокого лба белокурые мокрые от дождя волосы. Черты его бледного, немного болезненного лица поражали своей одухотворенностью. Большие голубые глаза, повитые дымкой мечтательности, казалось, не интересовались земными предметами – взгляд их был устремлен ввысь.

Молодая девушка с непонятным для нее самой интересом всматривалась в это, такое необычное, лицо. Туман накрыл все вокруг серым покрывалом, придавая причудливые очертания деревьям и кустам. Тихо падали частые капли дождя, откуда-то доносился тихий плеск воды.

– Что там внизу? Река? – спросила Джен, тщательно пытаясь проникнуть взором сквозь туман.

– Да, Рейн. Мы на берегу Рейна.

Снова наступило молчание. Молодая девушка сорвала ветку сирени, несколько секунд ее рассматривала, потом рассеянно оборвала полураспустившиеся почки и бросила ветку на землю. Незнакомец наклонился и поднял ее. Джен удивленно посмотрела на своего спутника.

– Это первые весенние почки, – как бы оправдываясь, сказал он, – мне бы не хотелось, чтобы ветка валялась в грязи.

Губы молодой девушки насмешливо дрогнули. Как сентиментально! Вот она, пресловутая Германия! Чувствуя некоторое раздражение, она порывисто встала и заявила, что вполне отдохнула и может продолжать путь. Незнакомец беспрекословно пошел вперед. Сделав несколько шагов, Джен оглянулась. Плед лежал на прежнем месте. Очевидно, хозяин забыл о его существовании, и она не сочла нужным напомнить своему спутнику о его вещи.

Молча шли они по направлению к городу, но теперь незнакомец умерил свои шаги и по временам оглядывался, чтобы посмотреть, не устала ли Джен. Через четверть часа показались контуры домов и церквей города.

– Вот и Б., – обратился незнакомец к своей спутнице. – Скажите, пожалуйста, мисс, куда я должен вас проводить?

– В дом доктора Стефана, – ответила Джен. Незнакомец в изумлении остановился.

– К доктору Стефану? – переспросил он.

– Да, вы его знаете?

– Конечно! Я ведь сам живу в доме доктора Стефана. Теперь я смутно припоминаю, что там действительно кого-то ждут. Кажется, молодую родственницу.

– Как видите, ждут, – нетерпеливо заметила Джен. – Вы меня крайне обяжете, если сократите для моих родственников время ожидания.

– Как прикажете, мисс. Пожалуйста, сверните направо. Мы пройдем ближайшей дорогой через сады.

Джен пошла туда, куда указывал молодой человек. Скоро ей пришлось убедиться, что эта прогулка по садам, через заборы, по своей трудности превосходила все, что ей уже пришлось

преодолеть. Видимо, незнакомец тоже понял свою оплошность; он остановился и смущенно сказал:

– Я совсем забыл, что эта дорога очень неудобна для дамы. Не лучше ли нам повернуть назад?

– Но мы ведь уже прошли половину пути, – раздраженно ответила Джен, – и, вероятно, скоро будем у цели?

– Да, дом доктора Стефана находится за этой оградой.

– В таком случае идемте скорее вперед.

Им оставалось пройти не более ста шагов, когда на их пути встретилось непреодолимое препятствие. Вся местность, лежащая в низине, была залита водой; образовалось нечто вроде озера, тянувшегося вдоль дороги. Незадачливый проводник беспомощно озирался вокруг.

– Вы не сможете пройти по этой луже! – тревожно сказал он.

– Попробую! – ответила Джен и носком туфли коснулась воды. Незнакомец поспешно ее удержал.

– Это невозможно! Здесь довольно глубоко. Позвольте мне вас перенести!

Джен окинула его полупрезрительным полусолидарительным взглядом. Он был высокого роста, гибкий и очень худой.

– Благодарю вас, – с нескрываемой иронией ответила она, – но эта тяжесть будет вам не по силам.

Насмешливый тон молодой девушки произвел неожиданное впечатление на робкого до сих пор незнакомца. Его бледное лицо вспыхнуло краской; не говоря ни слова, он подхватил свою спутницу на руки и в одно мгновение очутился со своей ношей посреди лужи. Все произошло настолько быстро, что ошеломленная Джен не успела даже возмутиться.

Теперь она опомнилась и сделала резкое движение, пытаясь высвободиться: девушка предпочитала идти по колено в воде, но не подчиниться такому произволу. Повернув лицо, она встретила умоляющий взгляд незнакомца. В нем было нечто, заставившее Джен опустить глаза и остаться в сильных руках своего спутника.

– Простите, пожалуйста, – тихо проговорил он, робко и почтительно опустив молодую девушку у калитки сада доктора Стефана.

– Благодарю вас! – холодно ответила Джен и, открыв калитку, вошла в сад вместе с незнакомцем. Не успели они пройти и трех шагов, как перед ними выросла какая-то высокая, почти гигантская фигура.

– Господин профессор, побойтесь Бога, что вы делаете?! – воскликнул гигант, обращаясь к спутнику мисс Форест. – Гуляете в такую погоду и даже без зонтика! Вы схватите насморк, лихорадку, умрете от простуды. Где же плед? Господин профессор, скажите, пожалуйста, куда вы девали свой плед?

С большим трудом отделался незнакомец от заботливых услуг великана, стоявшего перед ним с большим дождевым зонтиком в руках.

– Фридрих, ты видишь, я не один, – сказал он, указывая на Джен, которую Фридрих в порыве усердия даже не заметил.

Увидев теперь рядом со своим господином молодую девушку, он так поразился, что уронил зонтик и, открыв рот, смотрел на нее во все глаза.

Профессор поспешил положить конец его изумлению:

– Это та молодая дама, которую ожидает доктор Стефан, – проговорил он. – Пойди и скажи...

Незнакомцу не удалось закончить фразу, так как Фридрих, услышав первые слова, издал какое-то радостное восклицание и тут же исчез.

Джен остановилась и молча смотрела на своего спутника. По ее лицу было видно, что, судя по двум экземплярам, которые ей встретились в этот день, она не слишком лестного мнения о немцах. Оба – и господин, и слуга показались ей в равной степени нелепыми.

В доме поднялась тем временем страшная суматоха, вызванная сообщением Фридриха: двери открывались и закрывались; на лестнице слышались тяжелые и легкие шаги, все спешно готовилось к торжественному приему гостя. Когда Джен вместе с профессором подошла к главному входу, ее ожидал сюрприз: огромные гирлянды цветов украшали двери и перила лестницы; у самого входа висела надпись: «Добро пожаловать!», также сделанная из цветов. Буке-тики были разбросаны по ступенькам лестницы и на полу подъезда. У дверей стоял Фридрих с торжественным лицом и гордой улыбкой. В руках его был огромный букет, который он неловко сунул Джен прямо под нос.

Такой помпезный прием не пришелся по вкусу мисс Форест: в ее родительском доме его называли бы «сентиментальной глупостью». Покоробило ее и участие в семейной встрече Фридриха. В Америке такую фамильярность с прислугой сочли бы недопустимой. Джен недово-льно нахмурила брови: она смерила Фридриха уничтожающим взглядом с головы до ног и отстранила рукой предлагаемый ей букет. Гордо пройдя мимо, она вошла в вестибюль, где ее уже дожидались доктор Стефан и его жена.

Профессор стоял как вкопанный и взглядом следил за Джен через дверь, которая несколько минут оставалась открытой. Молодая девушка подошла к дяде так непринужденно, словно ее появление было самым обычным событием. С холодной вежливостью она протянула руку дяде, а потом подставила щеку для поцелуя его жене.

Гордо выпрямившись, Джен посмотрела на родственников, всем своим видом давая понять, что не потерпит какого бы то ни было вмешательства в свои личные дела и никому не позволит собой распоряжаться.

Дверь подъезда захлопнулась, и профессор почувствовал себя так, словно очнулся от долгого сна. Он взглянул на Фридриха, который неподвижно стоял, устремив мрачный взгляд на валявшийся на земле букет.

Профессор положил руку на плечо огорченного слуги и сказал ему:

– Пойдем домой, Фридрих!

Преданный слуга поднял голову; его лицо выражало глубокую обиду. Он провел рукой по своим золотисто-русым волосам и взглянул на господина большими голубыми глазами, в которых блестели слезы.

– В чем я, собственно, провинился? – жалобно спросил он.

– Не думай об этом, Фридрих, – ответил профессор, – вероятно, эта молодая дама просто не привыкла к нашим немецким обычаям. Пойдем!

Фридрих повиновался, но прежде чем уйти, поднял злополучный букет и в ярости его разорвал, разбросав по саду.

– Фридрих! – строго окликнул его профессор. Серьезный тон хозяина заставил слугу сразу опомниться.

– Иду, господин профессор, – ответил он и, вытерев рукой слезы, грустно понутив голову, поплелся за своим господином.

Глава III

Прошло более шести недель после приезда молодой американки, а она все еще оставалась чужой в доме своих родственников. Вины в этом были, во всяком случае, не ее дядя и тетка, которые приняли племянницу с распростертыми объятиями. Доктор Стефан и его жена принадлежали к числу тех добродушных людей, которые стремятся быть со всеми в наилучших дружеских отношениях.

Покойный Форест был совершенно прав, когда говорил, что шурин дал ему денег на выезд из Германии не столько для того, чтобы помочь, сколько из желания избавиться от неудобного, беспокойного родственника, который бросал тень подозрения на их вполне мирную, лояльную семью. Доктор Стефан искренне жалел свою сестру, которую случай свел с упрямым, сумасбродным человеком, настолько высокомерным, что он готов был скорее умирить свою жену, чем позволить ей принимать помощь от родственников. Доктор не сомневался, что его эксцентричный, горячий, непрактичный зять пропадет в Америке, но он ошибся.

Необычайный успех Фореста, как это всегда бывает, резко изменил отношение к нему родственников. Раньше в доме доктора боялись произносить имя неудачника-шурина, но после того как он разбогател, родство с ним стало лестным, и Стефаны с гордостью говорили о своем «брате-миллионере», живущем по ту сторону океана.

Известие о приезде осиротевшей племянницы было встречено ими с большим удовольствием. Если бы Джен была бедной девушкой, родственники не менее радушно распахнули бы перед ней двери своего дома, но к богатой наследнице, обладательнице миллионов, они отнеслись не только сердечно, но и с большим почтением. Последнего больше всего и желала мисс Форест. С первой же минуты после своего приезда она настолько решительно стала отстаивать свою независимость, так самостоятельно действовала во всех больших и малых делах, что Стефаны не решались подойти к ней ни с советом, ни с участием, чувствуя, что они для нее чужие. Дядя и тетка простили бы племяннице дурное расположение духа и даже любой промах, если бы видели с ее стороны хоть тень какого-то чувства. Воспитанная в вызывающей роскоши дочь американского миллионера ни единым словом не выражала своего недовольства порядками в доме Стефанов, но с сострадательным презрением относилась к буржуазной обстановке и мещанскому образу жизни родственников. Это глубоко оскорбляло доктора и его жену, которые с первого же дня совместной жизни с Джен решили, что молодая девушка – самое высокомерное и бессердечное существо в мире.

Это мнение было не вполне справедливо; во всяком случае, гордость Джен проистекала не из сознания своего богатства и связанных с ним преимуществ. Она чуждалась общества дяди и его знакомых потому, что считала их кругозор слишком для себя узким. Молодая девушка в Америке привыкла к свободе и уважению личности. Поэтому принятое в Германии деление людей на кружки, многочисленные условности, предписывающие мужчинам и женщинам различные правила поведения, вызывали с ее стороны насмешку. Джен могла свободно рассуждать обо всем на свете, чем повергала в ужас родственников. Особенно они боялись, когда племянница начинала высказывать свои взгляды в присутствии посторонних.

Однако опасения Стефанов были напрасны. Их знакомые видели в мисс Джен прежде всего миллионершу, а затем и американку, а этих двух особенностей было вполне достаточно для того, чтобы ею восхищались. Кроме того, помолвка молодой девушки оставалась для всех тайной, и многие почтенные семьи с радостью бы породнились с богатой наследницей. За Джен ухаживали, говорили ей комплименты, что для мисс Форест было совсем не ново. Молодые люди с восторгом отзывались о ее строгих правильных чертах лица и прекрасных темных глазах. Даже то, что она была совсем непохожа на голубоглазых белокурых немок, рассматривалось как большое ее преимущество. Все молодые люди поклонялись этой чужеземной звезде,

этому блестящему метеору, появившемуся на их небосклоне; каждый из них добивался ее улыбки, как особой милости, каждый в глубине души надеялся покорить сердце красавицы. Однако все ухаживания оказывались бесполезными. Никому из кавалеров не удалось ни на минуту возмутить ледяное спокойствие мисс Джен. Многие, тем не менее, не теряли надежды, объясняя себе ее равнодушие к их достоинствам естественной печалью дочери, потерявшей отца.

У доктора Стефана был очень красивый дом в лучшей части города. На нижнем этаже жил он со своей семьей, а верхний сдавал профессору Фернову, который три года назад был приглашен в местный университет и, поселившись у Стефана, с тех пор не менял квартиру. Многие серьезные труды Фернова доставили ему известность в научном мире, благодаря чему он и получил назначение в местный университет. Первые же его лекции имели большой успех и привлекли к нему внимание всей городской интеллигенции. Молодого ученого засыпали приглашениями, от желающих с ним познакомиться не было отбоя, но Фернов избегал приемов и визитов, проводя все время, свободное от университетских занятий, за письменным столом и довольствуясь обществом преданного ему Фридриха.

Сначала такую замкнутость объясняли какими-то таинственными причинами, пока, наконец, товарищи Фернова не убедились, что он – совершенно безобидный и простой человек, страстно влюбленный в науку. Многие профессора, которым приходилось часто встречаться с Ферновым в университете, с искренним восхищением отзывались о его необыкновенной учености и не менее поразительной скромности. Мало-помалу профессора Фернова оставили в покое, хотя коллеги очень его полюбили и с уважением произносили его имя; он никому не мешал, и у него не было завистников, так как все знали, что ученый равнодушен к карьере и никому не станет поперек дороги. Студенты очень уважали профессора Фернова и его лекции посещали охотнее, чем все другие. В обществе он почти не показывался и жил настоящим отшельником.

Доктору Стефану тоже не приходилось жаловаться на своего жильца. Он не доставлял ему ни малейшего беспокойства, очень аккуратно вносил квартирную плату и при встречах вежливо кланялся, не пускаясь ни в какие разговоры. Доктор был единственным человеком, бывавшим иногда в квартире профессора, так как Фернов отличался слабым здоровьем и довольно часто вынужден был прибегать к медицинской помощи. Жена доктора с удовольствием позаботилась бы о домашнем уюте одинокого профессора, но ей не удавалось к нему проникнуть, и добродушная женщина ограничилась тем, что командовала его слугой Фридрихом, внушая ему, как он должен ухаживать за своим хозяином.

Фридрих не отличался ни большим умом, ни выдающимися способностями, но природа, отказав ему в духовных преимуществах, щедро одарила его телесными достоинствами. При своем богатырском росте он был крепкого здоровья и очень силен. Недостаток сообразительности искупался необыкновенной добротой, услужливостью и трогательной привязанностью к Фернову. В противоположность своему господину, Фридрих был очень общителен и в свободное время, которого у него было предостаточно, искал общества людей и старался всем услужить. Постоянно помогая докторше по хозяйству и доктору в садовых работах, он постепенно стал для них необходимым человеком, без помощи которого они уже не могли обойтись. Фридрих принимал самое деятельное участие в подготовке к приему американской родственницы и никак не мог забыть обиду, которую она ему нанесла. Со дня приезда Джен он избегал встреч с ней, сердясь на нее и в то же время робея.

Жаркий июнь подходил к концу. В квартире профессора Фернова было тихо, как в церкви, когда там нет службы. Во всех комнатах стояли большие книжные шкафы, заполненные книгами, брошюрами и рукописями. В своем кабинете, отличавшемся от других комнат только тем, что здесь было еще больше книг, сидел за письменным столом профессор. Перед ним лежали бумаги и перо, но он не работал. Откинув голову на спинку кресла, сложив руки,

он неподвижно смотрел вверх. То ли из-за спущенной зеленой шторы, то ли по другой причине лицо Фернова казалось еще бледнее обычного; в его позе угадывалась бесконечная усталость. Утомленные глаза приняли мечтательное выражение, придававшее ему вид скорее поэта, чем ученого.

Дверь тихо отворилась, и Фернов вздрогнул от неожиданности, как это часто бывает с очень нервными людьми. На пороге показался доктор Стефан, а за ним выглядывало озабоченное лицо Фридриха.

– Добрый вечер, – сказал доктор, подходя к столу, – я пришел поговорить с вами по душам. Вы сегодня себя неважно чувствуете, не правда ли?

Профессор удивленно взглянул на доктора и ответил:

– Напротив, доктор, очень хорошо. Я вполне здоров. Очевидно, произошло какое-то недоразумение – я не просил вас прийти.

– Я это знаю, – спокойно возразил Стефан, – вы вообще обращаетесь к врачу только тогда, когда появляется непосредственная опасность. Однако Фридрих уверяет, что с вами происходит что-то неладное.

– Да, так оно и есть, – вмешался в разговор Фридрих, прячась от сердитого взгляда хозяина за спину доктора. – Так оно и есть; это началось уже давно – с того самого дня, когда господин профессор вышел в дождь без зонтика и вернулся домой с американской мисс, но без пледа.

– Замолчи, Фридрих! – оборвал профессор своего слугу, и тот, не привыкший к такому резкому тону, испуганно попятился. – Ты бы лучше занялся исполнением своих обязанностей, а не вмешивался в то, чего не понимаешь. Уходи отсюда и оставь нас одних!

Фридрих медленно вышел из комнаты, а Стефан, точно не замечая недовольства профессора, взял стул и сел напротив своего жилища.

– Вы, конечно, снова работали? – спросил доктор. – В такой чудный летний день, когда все стремятся за город, вы сидите с утра до вечера или даже до ночи за своим письменным столом и занимаетесь. Скажите, ради Бога, как долго вы собираетесь вести подобный образ жизни? Вам ведь не под силу так много работать.

Профессор, который, по-видимому, все еще не справился со своим раздражением, ответил не сразу.

– Я в самом деле, кажется, слегка простудился, – наконец проговорил он.

– Тут дело не в простуде, – возразил доктор. – Вам нужно хоть немного отдохнуть от своих занятий, которые полностью вас поглощают. Если так будет продолжаться и дальше, вы доведете себя до могилы. Я вам давно уже предсказываю такой конец. Вы меня приводите просто в отчаяние. Что можно поделать с пациентом, который кротко выслушивает советы, обещает им следовать, а на деле поступает вопреки предписаниям врача?

– Я всегда исполнял ваши предписания, – тихо ответил профессор.

– Да, но только формально! – заметил Стефан. – Я, например, советую вам рано ложиться; вы действительно ложитесь, но вместо того, чтобы спать, требуете лампу, окружаете себя книгами и читаете до двух часов ночи, а иногда даже до четырех. У вас еще очень крепкий организм; другой на вашем месте давно бы уже пропал. Пока пострадали только ваши нервы – они у вас расстроены до последней степени, но если вы и впредь будете продолжать такой образ жизни, то могу поручиться, что через год у вас разовьется чахотка.

Профессор опустил голову на руки и спокойно проговорил:

– Тем лучше!

Доктор возмущенно вскочил со стула.

– Вот до чего вы дошли! Жаждете смерти! Нет, Бог с ней, с вашей ученостью, от нее один вред для души и тела.

Фернов тоже поднялся с места.

– Простите меня, доктор, – с грустной улыбкой ответил он, – я плачу вам черной неблагодарностью за вашу заботу. Сам знаю, что мое здоровье совершенно подорвано, и ни ваше желание мне помочь, ни лекарства его не восстановят.

– Да, лекарства вам не помогут, – согласился Стефан. – Для вас существует только одно радикальное средство, но не стоит и упоминать о нем, так как вы все равно им не воспользуетесь.

– Что же это за средство? – рассеянно спросил профессор, пробегая глазами брошюру, лежавшую на столе.

– Вы должны в течение года – целого года! – не прикасаться к перу, не заглядывать ни в одну книгу и не думать о своей науке. Вместо того вы обязаны укрепить и закалить свое тело. Для этого я рекомендую вам выполнять различную физическую работу на свежем воздухе – например, колоть дрова, копать землю и тому подобное; тогда у вас улучшится обмен веществ, появится аппетит, вы окрепнете и ваш организм сможет сопротивляться влиянию погоды. Не смотрите на меня удивленно: при таком сильном расстройстве нервной системы, как у вас, нужно действовать решительно. Я глубоко убежден, что подобное лечение, если вы его будете точно придерживаться и начнете немедленно, избавит вас от опасности серьезно заболеть.

Профессор недовольно покачал головой.

– Как видно, доктор, меня трудно спасти, – заметил он. – Вы сами понимаете, что я сейчас не мог бы вести жизнь простого поденщика.

– Да, к сожалению, я знаю, что с вами каши не сварить. В таком случае сидите над своими книгами и наживайте чахотку! Я предсказываю вам эту болезнь и предостерегаю вас от нее. Не хотите меня слушать – ваше дело. Прощайте!

Добродушный доктор сердито взял шляпу и вышел в переднюю, где его ожидал Фридрих. Слуга молча, но с большим беспокойством взглянул на Стефана.

– С твоим господином ничего не поделаешь, Фридрих, – проворчал доктор, – давай ему прежнее лекарство; к нему вернулась старая болезнь.

– О нет, господин доктор, – прервал его Фридрих убежденным тоном, – это что-то новое. С того дня, как американская мисс...

Стефан громко рассмеялся.

– Надеюсь, ты не станешь винить мою племянницу в болезни профессора? – с улыбкой спросил он.

Фридрих смущенно промолчал. Он, конечно, этого не думал, но болезнь его господина действительно совпала с приездом мисс Джен.

– В чем же проявляется новая болезнь профессора? – стараясь быть серьезным, снова спросил доктор.

– Не знаю, – сконфуженно ответил Фридрих, вертя в руках свою шапку, – но это совсем не то, что было раньше! – упрямо повторил он.

– Глупости! К нему вернулась его старая болезнь, – решительно заявил доктор, – представь мне самому об этом судить. Давай ему его обычное лекарство, и позаботься о том, чтобы он хоть сегодня пошел погулять. Только не давай ему с собой книг – он готов набрать их целый тюк. Слышишь?

Стефан быстро спустился по лестнице вниз и, войдя в свою квартиру, спросил, где Джен.

– Она куда-то ушла, – ответила докторша с недовольным видом. – Уже больше четырех часов Джен где-то бродит и, конечно, совсем одна. Пожалуйста, поговори с ней, убеди ее, что для молодой девушки крайне неприлично гулять одной по уединенным тропинкам.

– Нет, дорогая, это твое дело, – ответил доктор, – ты должна доказать ей все неприличие ее поведения.

– Доказать Джен? – раздраженно воскликнула его жена. – Разве ей можно что-нибудь доказать? При малейшем намеке на какое бы то ни было вмешательство в ее дела она прини-

мает надменный вид и заявляет: «Это касается только меня, тетя. Предоставь мне действовать по собственному усмотрению». Понятно, что после такого ответа пропадает всякое желание с ней разговаривать.

– Неужели ты думаешь, что мои увещевания будут иметь большой успех? – спросил Стефан, пожав плечами.

– Попробуй, по крайней мере. Весь город осуждает нас за то, что мы предоставляем племяннице слишком большую свободу.

– Вот как? Я очень хотел бы, чтобы все, кто нас осуждает, пожили с Джен хотя бы неделю, – с философским спокойствием возразил доктор. – Им пришлось бы отказаться от подобного мнения. Джен со своей резкостью и профессор со своей кротостью – оба принадлежат к самым упрямым существам в мире. Единственная возможность с ними поладить – это признать их волю и предоставить поступать так, как им заблагорассудится.

Глава IV

Доктор был прав. Мисс Форест несколько не интересовалась тем, что о ней говорят в городе, и предпринимала далекие прогулки, не считаясь ни с чьим мнением. Она не искала уединения – просто ей хотелось познакомиться с окрестностями, а так как после отъезда мистера Аткинса Джен не находила никого, кого считала бы интересным собеседником, то предпочитала гулять одна.

Во время одной из таких прогулок она взобралась на гору, где сохранились развалины старого замка. Устав от подъема, молодая девушка села на камни, прислонилась спиной к полуразрушенной стене и стала смотреть на открывавшуюся перед ней картину. Теперь не осталось и следа того тумана, который скрывал от Джен окружающие предметы в день ее приезда; горячее июньское солнце заливало золотым потоком весь этот своеобразный немецкий ландшафт. В нем было что-то, пробудившее в мисс Форест новое, неведомое ей чувство. Какая-то тихая сладкая грусть переполняла душу молодой девушки. Она видела в Америке более роскошные, более грандиозные картины природы, но оставалась к ним совершенно равнодушной; здесь же Джен не могла отделаться от странной шемящей боли в сердце. Может быть, это и было то, что называют тоской по родине.

Раньше Джен не знала смысла этих слов, хотя видела, как ее мать умирала оттого, что не могла забыть свою дорогую Германию, и слышала, как отец перед кончиной готов был отказаться от всех земных благ, только бы еще хоть раз побывать на Рейне. Теперь, вступив на эту землю, она начала понимать чувства своих родителей.

Невольно ей пришли на ум песни и легенды о славном Рейне, услышанные в раннем детстве от матери; ребенком она рвалась туда, но позже отец совершенно уничтожил те семена любви к Германии, которые заронили в ее душу рассказы матери.

Молодая девушка могла совершенно точно указать момент, когда впервые ощутила это странное чувство духовной связи с родиной ее родителей. Это было не тогда, когда она знакомилась с красотами Рейна, путешествуя с дядей по берегам реки, а еще раньше – в ту минуту, когда густой туман скрывал от нее и сам Рейн, и все вокруг, а она сидела на пригорке, где росла сирень, и обрывала первые весенние почки, а рядом стоял высокий чужой ей мужчина и с неммым упреком смотрел на ее руки. Джен редко, но всегда с некоторым удовольствием вспоминала свою встречу с профессором: в ней было нечто романтическое, а разумная дочь мистера Фореста презирала все выходящее за рамки привычной реальной жизни. Сидя на руинах старинного замка и любуясь открывающимся сверху видом, Джен старалась отделаться от назойливых воспоминаний. Чьи-то шаги совсем близко заставили ее оглянуться. Из-за угла разрушенного замка показалась фигура профессора.

В первую минуту Джен не могла прийти в себя от неожиданности – так внезапно появился тот, о ком она только что думала; профессор же, казалось, до крайности испугался при виде мисс Форест. Он в страхе отпрянул назад и чуть было не повернул обратно, но вовремя отказался от такого намерения, сообразив, что его бегство будет слишком явным. После минутного колебания Фернов молча поклонился молодой девушке и подошел к противоположной стене, стараясь держаться подальше от американки; но так как площадка, где они находились, была невелика, то поневоле молодые люди остались на довольно близком расстоянии друг от друга.

Впервые после их встречи у сломавшегося экипажа профессор и мисс Джен оказались вдвоем. Неизбежные их встречи в саду и в подъезде дома всегда ограничивались лишь робким поклоном с его стороны и холодным наклоном головы со стороны молодой девушки. Оба они избегали вступать в разговор и не собирались нарушать молчания и в этот раз.

Профессор тяжело дышал после подъема на гору, куда он взобрался, гуляя по предписанию Стефана. Несмотря на быструю ходьбу, лицо его оставалось таким же бледным; темные

круги под глазами и весь его вид подтверждали справедливость слов дяди Джен о том, что Фернов работает до полного изнеможения и если не изменит свой режим, то жить ему осталось недолго.

Молодая девушка вспомнила, как легко ее нес на руках этот человек в тот памятный день и как он вспыхнул, когда она усомнилась в его силе. Нет, такие крепкие руки не могут быть у чахоточного, и ее неверие в его силы не могло бы так задеть действительно больного человека. Тут, несомненно, существовало какое-то странное противоречие, которое Джен не могла себе объяснить.

– Вы часто поднимаетесь на эту гору, мистер Фернов? – спросила она, наконец, убедившись, что профессор первый ни за что не заговорит (она уже настолько знала Фернова, что не обижалась на это молчание).

При звуке ее голоса профессор быстро обернулся.

– Это самое красивое место в окрестностях нашего города, – ответил он. – Я бываю здесь всегда, когда есть время.

– А это случается редко?

– Конечно, тем более в это лето, когда я занят большой работой.

– Вы пишете ученое сочинение? – с легкой насмешкой спросила Джен.

– Научное! – парировал профессор, уловив в ее тоне насмешку.

Джен презрительно улыбнулась.

– Вероятно, вы, мисс Форест, находите, что мое сочинение – бесполезный труд? – с некоторой горечью спросил Фернов.

– Должна признать, что не питаю особого почтения к книжной премудрости, – ответила молодая девушка, пренебрежительно пожав плечами, – и совершенно не понимаю, как может человек добровольно жертвовать жизнью, как вы, мистер Фернов, ради книги, представляющей интерес только для нескольких ученых-специалистов. Все остальное человечество посмотрит на ваш труд, как на мертвое, никому не нужное произведение, как на книжный хлам.

Джен говорила с обычной своей бесцеремонной прямоотой, приводившею в отчаяние ее дядю.

Профессор не был ни оскорблен, ни поражен ее словами. Он медленно поднял свои большие мечтательные глаза на девушку, которая уже раскаивалась в том, что начала разговор. Его глаза снова, как и при первой их встрече, пробудили в Джен какое-то томительное волнение, с которым она не могла справиться.

– Откуда вы знаете, мисс Форест, что я добровольно посвятил свою жизнь книжному труду? – спросил он каким-то странным голосом.

– Но ведь никто не мог заставить вас взяться за это дело!

– Не заставляя, а приучая, конечно, могли, – возразил Фернов. – Представьте себе ребенка, потерявшего родителей и случайно попавшего к ученому, который из всего, что только есть на свете, знает и любит только свою науку. Уже в раннем детстве я был прикован к книге; в юности мне не давали опомниться, заставляя как можно скорее получить ученую степень. Эти усиленные занятия погубили и мое здоровье, и поэтическое восприятие жизни, свойственное юности. Человеку, который провел всю молодость за книгой, не остается ничего иного, как посвятить ей и весь остаток жизни. Кроме науки, у меня нет ничего и никого на этом свете!

Какая-то мрачная покорность была в этом признании; взгляд профессора стал грустным и рассердил Джен. Сердилась она главным образом на себя. Почему ее так волнуют эти большие грустные глаза? Признание профессора несколько не возвысило его во мнении молодой девушки – скорее, наоборот. Он отдавал все свое время, все силы науке не потому, что любил этот труд, не потому, что искал в нем вдохновение, а лишь по привычке, по обязанности! Энер-

гичному характеру Джен претила такая пассивность. Если у Фернова нет сил бороться с жизнью, тогда его удел – быть книжным червем и незаметно для всех исчезнуть с лица земли.

Профессор вдруг быстро отвел взгляд от молодой девушки и посмотрел вниз, на роскошный пейзаж, освещенный последними лучами солнца. Заходящее солнце золотило зеленые воды Рейна, который спокойно и величественно нес свои волны к далекому горизонту и незаметно с ним сливался.

Небо было охвачено пурпурным заревом, и на этом пурпуре чистыми, ясными линиями вырисовывались голубоватые вершины гор. Красноватый отблеск заката лежал на всем: на деревнях и маленьких городах у подножия холмов, на серых камнях развалин, на темной зелени елей и на густо растущем плюще, который спускался вниз и терялся в пропасти. Он отражался также на лицах молодых людей, стоявших теперь рядом на горе.

Джен была настолько поглощена созерцанием этой чудной картины, что не заметила, когда профессор тихо к ней подошел. Услышав его голос, она невольно вздрогнула.

– Не правда ли, мисс Форест, наш Рейн способен восхитить и вас? – проговорил Фернов с явным удовлетворением.

– Меня? – начала было Джен, но остановилась, так как подумала, что профессор может догадаться о ее слабости, как она мысленно называла чувство, возникшее у нее при виде Рейна; признаваться же в этом она не собиралась никому, а тем более Фернову. – Меня? – холодно повторила она. – Да, конечно, мистер Фернов, и мне могут нравиться виды Рейна, но в общем они кажутся мне мрачными и какими-то замкнутыми, ограниченными.

– Ограниченными, мрачными, – в раздумье повторил профессор, недоверчиво глядя на молодую девушку.

– Да, по крайней мере, на мой взгляд, – высокомерно сказала Джен, раздосадованная сомнением, звучавшим в голосе Фернова. – Кто жил, как я, на берегах грандиозной реки Миссисипи, кто видел перед собой Ниагару и девственные величественные леса, тому германские ландшафты покажутся незначительными, лишенными простора.

Легкая краска появилась на щеках профессора: он тоже начал раздражаться.

– Если красоту ландшафта измерять пространством, – возразил он, – то, пожалуй, вы правы, мисс Форест. У нас существует другой масштаб, который вам тоже, возможно, покажется узким; но должен заверить вас, что ваши американские ландшафты покажутся нам пустынными и мертвыми.

– Неужели? Вы убеждены в этом?

– Совершенно убежден!

– Я искренне поражена, мистер Фернов, вашими словами, – иронически возразила Джен, – вы так решительно судите о том, чего никогда не видели. Вы представляете себе земли на Миссисипи в виде пустыни, а между тем вам следовало бы знать, хотя бы из книг, что жизнь там бьет ключом, что она гораздо богаче и разнообразнее, чем здесь, на берегах вашего Рейна.

– Да, будничная, деловая жизнь там бьет ключом, я это знаю, – ответил профессор, – там кипит муравьиная работа ради наживы, эксплуатируется каждый вершок земли и воды. Там живут только сегодняшним днем, не заботясь о будущем страны, не зная ее прошлого. По вашим могучим рекам, мисс Форест, плывут тысячи судов, но ни сами реки, ни их берега, застроенные городами с многомиллионным населением, не в состоянии дать вам того, что несет с собой маленькая и незначительная рейнская волна: они не дадут вам очарования прошлого, поэзии веков, отзвука исторических судеб народов. Здесь память о старине хранит каждый листочек на дереве, каждый камень развалин. – Фернов незаметно перешел с английского языка на чистейший немецкий. – О Рейне слагали стихи и сказки; вы видите здесь и прелестную Лорелею, которая манит вас в зеленые волны; из водных глубин сверкает золото Рейна – здесь родина Нибелунгов, тут жили в своих замках рыцари; на каждом шагу вы встречаете памятники прошлого, которые гордо и величаво поднимаются к самому небу. В плеске волн мы

слышим чарующую музыку и мысленно переносимся в сказочное царство. Вам, чужестранке, наш Рейн, конечно, ничего не говорит...

Джен, слушавшая сначала речь профессора с удивлением, постепенно увлеклась ею. Что случилось с этим человеком? Он гордо выпрямился, лицо его оживилось, глаза сверкали вдохновением; голос звучал сильно и красиво. Точно серый туман заволакивал прежде облик Фернова, и потому он казался нечетким и бледным; теперь солнечные лучи прогнали туман, и Джен увидела настоящее лицо профессора. Однако мисс Форест не принадлежала к числу людей, которые надолго поддаются чужому влиянию; она всеми силами старалась освободиться от того чувства, которое у нее вызвали слова Фернова. Джен знала, что нужно сделать, чтобы рассеять эти чары, и прибегла к своему излюбленному оружию – насмешке.

– Я никак не предполагала, что вы поэт, мистер Фернов, – с иронией сказала она.

Фернов вздрогнул, словно ужасный диссонанс коснулся его уха; оживление исчезло с лица профессора, глаза его потускнели.

– Поэт? – тихо переспросил он сдавленным голосом.

– Конечно. То, что вы сейчас говорили, непохоже на житейскую прозу.

Фернов глубоко вздохнул и провел по лбу рукой.

– Прошу извинить, мисс Форест, что наскучил вам своей поэзией, – проговорил он. – Мой промах следует приписать слабому знакомству со светскими приличиями. Наверное, в обществе считается неприличным беседовать с дамой о том, чего она не понимает.

Джен закусила губы. Этот «ученый педант», как мысленно она его называла, сегодня не переставал ее удивлять. Только что он был безобидным мечтателем, поэтом, и вдруг оказался способным говорить колкости. Последнее больше пришлось ей по душе: тут она могла быть с ним на равных.

– Меня удивляет, мистер Фернов, что вы так тонко понимаете и чувствуете поэзию, – с прежней издевкой возразила она. – Впрочем, что касается мечтаний, немцы всегда были впереди других.

– А вы, кажется, очень это презираете?

– Да, я придерживаюсь того мнения, что человек не создан для пустых мечтаний. Стихи – это ведь те же бесплодные мечты!

– И, по-вашему, поэт недостоин уважения?

– Нет! – коротко и резко ответила Джен.

Мисс Форест знала, что это «нет» оскорбит Фернова, но ей хотелось причинить ему боль, и она достигла цели. Лицо профессора покрылось пятнами – он едва сдерживал гнев. Нападки молодой девушки на его науку не так сильно задела Фернова, как ее пренебрежительное отношение к поэзии и поэтам.

– Вам следовало бы не так щедро расточать свое презрение, – заметил он, – тем более, что есть вещи, которые гораздо больше его заслуживают, чем наша поэзия.

– Которой я не понимаю!

– Которую вы не хотите понять. Но погодите, она еще предъявит вам свои права, и вам придется признать ее точно так же, как и родной Рейн, который уже покорила вас – и как раз в тот момент, когда вы назвали его ограниченным и мрачным.

От изумления и гнева Джен не могла вымолвить ни слова. Как сумел этот рассеянный мечтатель, забывающий о том, что творится перед его носом, залезть ей в душу и увидеть, что там происходит? Кто ему позволил разбираться в ее чувствах, если она сама еще не в состоянии это сделать? Впервые Джен попыталась объяснить себе ту странную неловкость, которую испытывала в присутствии профессора. Она смутно чувствовала, что ей грозит какая-то опасность со стороны этого человека, и необходимо держаться как можно дальше от него, даже если для этого придется нанести ему оскорбление.

Молодая девушка гордо выпрямилась и, смерив Фернова с головы до ног презрительным взглядом, сухо сказала:

– Очень сожалею, мистер Фернов, что ваша проницательность на сей раз вас подвела. Позвольте мне самой судить о своих пристрастиях и антипатиях. Кроме того, должна вам сказать, что ненавижу сентиментальность и бесплодные мечтания, в какой бы форме они ни проявлялись, и никто на свете не вызывает у меня такого отвращения, как герой пера.

Фраза была произнесена и глубоко задела Фернова. Он вздрогнул, словно ему внезапно нанесли жестокую рану; лицо его вспыхнуло, и глаза гневно засверкали. Любая другая женщина испугалась бы этой внезапной перемены, но Джен был неведом страх. Одну минуту казалось, что профессор потерял власть над собой, но он быстро отвернулся и закрыл рукой глаза.

Молодая девушка стояла неподвижно. Ее желание исполнилось – оскорбление было нанесено! Что же будет дальше?

После нескольких секунд молчания Фернов снова повернулся к Джен. Его лицо сильно побледнело, но казалось совершенно спокойным. Голос звучал холодно и уверенно.

– Вы, кажется, забываете, мисс Форест, что и права женщин как-то ограничены, – проговорил он. – Если в том обществе, где вы вращаетесь, вам позволяют переступить этот предел по каким-то личным соображениям, то позвольте напомнить, что я не принадлежу к этому обществу и не потерплю оскорблений. Мужчине я бы ответил иначе, вас же могу только заверить в том, что отныне буду старательно избегать встреч с вами.

Профессор поклонился так холодно и надменно, как это делала сама Джен по отношению к людям, не удостоившихся ее благосклонности, затем повернулся и быстро скрылся за руинами.

Джен была совершенно ошеломлена; постепенно она опомнилась и сообразила, что позволил себе сказать Фернов. Она, Джен Форест, была унижена, посрамлена! Главное, кем? Несчастным книжным червем, на которого она до сих пор смотрела со снисходительным презрением. Кто бы мог предположить, что этот робкий человек, такой беспомощный в повседневной жизни, может проявить себя совсем иначе? Несмотря на обиду, молодая девушка испытывала некоторое удовлетворение от сознания того, что именно ей, а не кому-либо другому, удалось увидеть Фернова таким гордым и сильным. Однако от этого ее гнев не уменьшился, так же, как и от мысли о том, что она сама хотела вывести профессора из себя и, таким образом, получила по заслугам. Одного добился этот немецкий ученый – того, что никто еще не смог сделать: он победил ледяное равнодушие американки, хотя чувство, которое он в ней пробудил, было для него далеко не лестным. Джен ненавидела его теперь всеми силами своей души, как только может ненавидеть избалованное существо того, кто первый осмелился пойти против него. Дорогие кружева, которыми был обшит платок Джен, валялись возле нее, разорванные на клочки от злости. Молодая девушка совершенно забыла о том, что уже темнело и до города придется идти часа два. Резким движением она подняла свою шляпу, лежавшую на земле, сердито оторвала зацепившуюся за платье ветку и быстро начала спускаться вниз.

«Отныне я буду тщательно избегать встреч с вами» – мысленно повторила Джен последние слова профессора и прошептала:

– Не беспокойтесь, мистер Фернов, я-то уж ни в коем случае не захочу этих встреч! Надеюсь, что мы теперь простились на вечные времена!

Молодая девушка с таким решительным видом подняла голову, как будто бросала вызов всему свету. А сумерки все больше сгущались вокруг руин старинного замка и того места, где два человеческих сердца, так страстно стремившихся друг к другу, разошлись навсегда, полные злобы и вражды.

Глава V

Через несколько дней после этой встречи от паровой пристани к дому доктора Стефана шли два джентльмена в элегантных дорожных костюмах.

– Не спешите, Генри, – недовольным тоном сказал старший, – я не могу поспеть за вами по такой жаре. Кроме того, у окна может случайно оказаться мисс Джен. Что она подумает, увидев, как вы мчитесь?

Это предостережение, которое другому, возможно, показалось бы неуместным, сразу подействовало на мистера Алисона. Он умирил свои шаги, словно в самом деле совершал нечто такое, что могло вызвать осуждение мисс Форест, и постарался скрыть свое нетерпение.

– Вот поразительная встреча! – сказал Аткинс. – А мы думали, что вы в Лондоне. Вы ведь собирались прямо оттуда поехать в Париж, не так ли?

– Конечно, а после Парижа намеревался быть осенью на Рейне. Узнав, что мисс Форест уже несколько недель живет здесь, я решил прежде заехать сюда, чтобы с ней повидаться. Но что меня удивило, так это то, что вы согласились сопровождать мисс Джен в Германию.

– Вероятно, потому, что я раньше бранил немцев? – ответил Аткинс. – Дело в том, что я опекун мисс Форест, и хотя она самостоятельна во всех своих поступках – и вы скоро в этом убедитесь, Генри – я все же считал неудобным отпускать молодую девушку одну за океан. Кроме того, мне очень хотелось посмотреть, как будет чувствовать себя мисс Джен на родине своих родителей, в обществе господ немцев, которых я успел хорошо изучить, так как Северная Америка давно поддерживает с ними деловые отношения. Надеюсь, вы выразите мне благодарность за то, что я не покидаю вашей невесты?

– Конечно, я вам очень благодарен! – холодно ответил Алисон. – Меня только поражает, что дела покойного мистера Фореста позволяют вам на такой длительный срок покинуть Америку.

– Не беспокойтесь, Генри, ваше будущее состояние находится в надежных руках! – с ядовитой иронией возразил Аткинс.

– Я имею в виду не свои интересы! – раздраженно ответил Алисон.

– Да, я понимаю, что вы заботитесь об имуществе мисс Джен, которое через год будет принадлежать и вам. Не сердитесь! Вполне естественно, что вас интересует этот вопрос, и я даже считаю своей обязанностью кое-что сообщить вам на сей счет. Вам, может быть, известно, что в последний год жизни покойный мистер Форест обратил всю свою недвижимость в ценные бумаги, которые помещены в разные банки. Все дела мистера Фореста были ликвидированы через два месяца после его смерти: вести их без хозяина было бы слишком затруднительно. Как видите, Генри, интересы мисс Джен не пострадают из-за моего путешествия в Германию.

Несмотря на внешнее равнодушие, Алисон очень внимательно и с полным удовлетворением выслушал сообщение Аткинса.

– А как вы находите Германию? – спросил он, желая переменить тему разговора.

– Скучная страна! – ответил Аткинс. – Как я себе и представлял, долго жить в этом ученом городе невозможно. Мисс Джен приносит себя в жертву, исполняя предсмертное желание отца. Когда я уезжал, она буквально изнемогала от всех этих нелепых требований чопорного немецкого этикета. Удирая отсюда, я оставил ее в самом беспомощном положении.

– Из-за скуки вы и уехали в Гамбург?

– Нет, у меня там были дела.

– Следовательно, вы воспользовались путешествием по Европе, чтобы завязать здесь деловые отношения и устроить личные дела? – с интересом спросил Алисон.

– Нет, не личные; здесь замешаны интересы мисс Форест. Речь идет об одном старом долге; мы давно о нем хлопочем, но до сих пор безуспешно.

Внимание молодого коммерсанта возросло до предела.

– И значительный долг? – быстро спросил он.

– Да!

– Надеетесь добиться успеха?

– Очень надеюсь!

– Желаю вам этого от души! – искренне воскликнул Алисон. – Для деловых людей крайне неприятно сознавать, что еще существует старый неоплаченный долг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.